

Коломинский Я.Л., Белановская О.В. Возрастные закономерности ролевой структуры личности в процессе жизненного пути // Актуальные проблемы психологии развития личности: сб. науч. Ст. / ГрГУ им. Я.Купалы; науч. Ред.: Л.М.Даукша, К.В.Карпинский. – Гродно: ГрГУ, 2014. – С. 150 – 158.

ВОЗРАСТНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РОЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Коломинский Я.Л., Белановская О.В.

Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка,

Минск, Беларусь

г. Минск, Республика Беларусь

olgabelanovskaya@rambler.ru

В статье обсуждаются закономерности развития ролевой структуры личности в онтогенезе. Отмечается, что структура личности имеет свою жизненную историю возникновения и исполнения социальных ролей: на восходящих этапах онтогенеза ролевая структура расширяется, на нисходящих – сокращается, происходит деформация ролевой структуры личности, порождающая синдром «социально-психологических фантомных болей». Авторами предлагается модель профилактики и коррекции синдрома «социально-психологических фантомных болей».

Ключевые слова: социальные роли, полиролевая структура личности, смысл жизни, старость, психологическое старение, синдром «социально-психологических фантомных болей» (СПФБ), метод «социально-психологического протекторирования».

Поэт Расул Гамзатов в одном из интервью полушутя заметил: «Бесспорно, Бог создал мир совершенным, но лично я предпочел бы, чтобы люди рождались стариками, потом делались молодыми и оставались детьми – проходили бы свой путь наоборот». Человек не рождается стариком, а старится им, проходя от рождения до старости все этапы развития, в основе которых лежит социализация личности.

Социализация является всеобщим процессом, благодаря которому человек становится членом социальной группы: семьи, общины, рода. Освоение социальных ролей – часть процесса социализации личности, непременное условие «врастание» человека в общество себе подобных. Она включает усвоение всех установок, мнений, обычаев, жизненных ценностей, ролей и ожиданий конкретной социальной группы. Этот процесс длится всю жизнь, помогая людям обрести душевный комфорт и чувствовать себя полноправными членами общества или какой-то культурной группы внутри этого общества.

Социальная роль объективирует человека в социальном мире. Каждый индивид играет множество социальных ролей. Полиролевая структура личности является следствием полигрупповой принадлежности. Возникая на ранних этапах онтогенеза, полиролевая структура личности на протяжении жизни расширяется.

Появляясь в связи с конкретной социальной позицией, заданной в общественной структуре, социальная роль является конкретным (нормативно одобряемым) способом поведения, обязательным для людей. Социальные роли, которые выполняются человеком, становятся решающей характеристикой его личности. При этом они не теряют своего социально-производного, объективно-неизбежного характера. Поскольку, социальные роли, которые выполняют люди, персонифицируют господствующие отношения в обществе.

Т.Парсонс [4] попытался систематизировать социальные роли. Он считал, что любая роль может быть описана с помощью пяти основных характеристик:

1. Эмоциональности (разные роли требуют различного проявления эмоций: эмоциональной сдержанности, эмоциональной лабильности, яркого проявления чувств и т.д.);

2. Способа получения (одни роли обусловлены предписанными статусами (ребенок, юноша, взрослый гражданин, старик), другие роли достигаются в результате усилий личности (профессор, общественный деятель и т.д.);

3. Масштаба (некоторые роли ограничены строго определенными аспектами взаимодействия людей. Например, роли врача и пациента ограничены вопросами, которые непосредственно относятся к здоровью пациента. Другие имеют широкий план отношений (например, отношения между маленьким ребенком и его родителями, поскольку каждого из родителей волнует много сторон жизни малыша);

4. Формализации (некоторые роли предусматривают взаимодействие с людьми в соответствии с установленными правилами. При исполнении других ролей допускается менее формализованное особое обращение);

5. Мотивации (исполнение разных ролей обусловлено различными мотивами (альтруистическими, эгоистическими, гедонистическими и т.д.). Как считал Т. Парсонс, любая роль включает сочетание данных характеристик.

Социальные роли, выполняемые индивидом, становятся решающей характеристикой его личности, не теряя, однако, своего социально-производного и в этом смысле объективно-неизбежного характера. В понятие «социальная роль» включаются объективная и субъективная характеристики положения личности в социальной среде, которые определяют ее типическое поведение, подкрепляемое социальными ожиданиями и социальными санкциями.

Роль в известной степени – это совокупность ожиданий, предъявляемых индивиду, который занимает данную позицию. С другой стороны, личность ожидает от своей ролевой позиции признания и удовлетворения своих притязаний, осуществления оценки и самооценки. Так возникает образ, который человек имеет о самом себе, и который формируется, проявляется и подкрепляется в процессе межличностного, ролевого общения с другими людьми.

Социальная роль – это многоуровневая функциональная система, своеобразный функциональный орган, который имеет сложную внутреннюю структуру. Во-первых, эмоциональный, аффективный компонент: эмоциональное переживание отношения к своей роли – признание, дело жизни и т.д. Во-вторых, это когнитивный компонент, осознание значимости роли для окружающих, самооценка своей ролевой успешности, своего соответствия социальным ожиданиям. Описанные интраличностные инстанции актуализируются в процессе внешнего реального исполнительного органа – ролевого поведения.

Усваивая социальные роли, человек усваивает социальные стандарты поведения, учиться оценивать себя со стороны и осуществлять самоконтроль. Однако поскольку в реальной жизни человек включен во многие виды деятельности и отношения, вынужден исполнять разные роли, требования к которым могут быть противоречивыми, возникает необходимость в некотором механизме, который позволил бы человеку сохранить целостность своего «Я» в условиях множественных связей с миром (т.е. оставаться самим собой, исполняя различные роли).

Личность (а точнее, сформированная подструктура направленности) как раз и является тем функциональным органом, который позволяет интегрировать свое «Я» и собственную жизнедеятельность, осуществлять нравственную оценку своих поступков, находить свое место не только в отдельной социальной группе, но и в жизни в целом, вырабатывать смысл своего существования, отказываться от одного в пользу другого. Развитая личность может использовать ролевое поведение как инструмент адаптации к определенным социальным ситуациям, в то же время не сливаясь, не идентифицируясь с ролью.

Структура личности имеет свою жизненную историю возникновения и исчезновения социальных ролей. На восходящих этапах онтогенеза ролевая структура расширяется, на нисходящих – сокращается. Приходит период потери важных социальных ролей, который в онтогенезе чаще всего приходится на старость.

В старости человек претерпевает не только биологические, но и психологические изменения. Говоря о психологических механизмах функционирования психики в возрасте старения, необходимо помнить, что физическое, социальное «угасание» достаточно эмоционально насыщено: люди перестают работать – уходят на пенсию, они перестают быть

начальниками, они перестают быть детьми – хоронят своих родителей, они перестают быть родителями – их дети встают на ноги и заводят собственные семьи, они теряют свои физические кондиции – это тоже трудно принять в себе и т.д.[3].

Когда человек стареет, общество и семья как социальная единица перестает предъявлять к нему требования, отвергает его, и, тем самым, лишает определённой роли, меняет статус. Ролевая неопределённость деморализует пожилых людей. Она лишает их социальной идентичности и, часто, оказывает негативное влияние на психологическую стабильность. Ведь повседневная рутинная жизнь пожилых не является исполнением какой-либо роли. А, кроме того, неструктурированные ситуации в геронтогенезе вызывают депрессии и тревогу, так как старики чувствуют вакуум социальных ожиданий и недостаток норм для них.

Пожилость и старческий возраст – такая стадия в жизненном пути, где происходят систематические социальные потери и отсутствуют приобретения. Главные жизненные задачи вымываются, ответственность уменьшается, зависимость возрастает. Эти потери связаны с болезнями и физическим недомоганием. Эти потери и корреляты зависимости, изоляции и деморализации прогрессивно увеличиваются в поздней жизни. Они ясно показывают пожилому человеку понижение участия в социальной жизни и увеличение его маргинальности, потери ролей. Нравственная система современной цивилизации отдаёт предпочтение молодости, энергии, энтузиазму и новаторству как антиподам пассивной, косной старомодной старости. Эти ценности вместе с верой в собственные силы, автономией и независимостью передаются в ходе социализации новым поколениям, которые усваивают возрастные стереотипы вместе с интериализацией новых ролевых функций. С этой точки зрения старость представляется как утрата социальных ролей.

В.В.Болтенко выделил ряд этапов психологического старения, связанных с изменениями в ведущих видах деятельности и полиролевой структуре личности [цит. по 2]. На первом этапе сохраняется связь с тем видом деятельности, который был ведущим для человека до выхода на пенсию. Как правило, этот вид деятельности был непосредственно связан с профессией пенсионера. Чаще это люди интеллектуального труда (ученые, артисты, учителя, врачи). Эта связь может быть непосредственной, в форме эпизодического участия в выполнении прежней работы. А может быть – опосредованной, через чтение специальной литературы, написание статей на профессиональные темы. Если же эта связь обрывается сразу же после ухода на пенсию, то, минуя первый этап, человек попадает во второй.

На втором этапе наблюдается сужение круга интересов за счет выпадения профессиональных привязанностей. В общении с окружающими уже преобладают разговоры на бытовые темы, обсуждение

телевизионных новостей, семейных событий, успехов или неудач детей и внуков. В группах таких людей уже трудно различить, кто был инженером, а кто врачом, кто был счетоводом, а кто профессором философии.

На третьем этапе главным становится забота о личном здоровье. Оно становится любимой темой для разговора: о лекарствах, о способах лечения, о травах... И в газетах, и в телепередачах на эти темы обращается особое внимание. Наиболее значимым в жизни человеком становится участковый врач, его профессиональные и личностные качества.

На четвертом этапе смыслом жизни становится сохранение самой жизни. Круг общения сужен до предела: лечащий врач, социальный работник, те из членов семьи, которые поддерживают личный комфорт пенсионера, соседи самого ближнего расстояния. Для приличия или по привычке редкие телефонные разговоры со старыми знакомыми-ровесниками.

И, наконец, на пятом этапе происходит обнажение потребностей чисто витального характера (еда, покой, сон...) Эмоциональность и общение почти отсутствуют. Как и всякая схема, эта достаточно условна: на первом этапе присутствуют потребности всех пяти этапов, на втором – четырех, на третьем – трех, втором – двух и только на пятом остаются одни витальные потребности.

«Каково мое предназначение в этой жизни?», «К чему я стремлюсь?» – такие вопросы задает себе каждый человек и на каждом жизненном отрезке бытия отвечает по-разному. Анализируя проблемы смысла жизни в старости В.Э. Чудновский [6, 7] указывает, что если говорить об оптимальном смысле жизни в этот период, то он может быть выражен краткой формулой: «Отступать медленно, организованно, с боями». Да, старость – отступление. Но отступать можно по-разному. Это может быть паническое бегство, которое лишь ускорит разрушительные процессы, или медленное отступление опытного полководца на театре военных действий: да, ситуация чрезвычайно сложна, «противник» наступает по всему фронту, то в одном, то в другом месте возникают «прорывы», куда нужно бросить «резервы», которых все меньше. И может быть, оптимальный смысл жизни в этих условиях – разумно организовать сопротивление негативным обстоятельствам, не только отстаивать «каждую пядь земли», но и время от времени переходить в «контратаки». Нужна «перегруппировка сил», психологическая перестройка, выработка нового отношения к окружающему, своей социальной роли и собственной личности.

Такая перестройка включает в себя не только учет негативных факторов, присущих данному периоду, но и «настройку» на его позитивные возможности: возможность «целостного» отношения к собственной жизни с высоты накопленного опыта и знаний и, вследствие этого, восприятие конкретных обстоятельств, успехов и неудач в свете такого целостного отношения к жизни; качественные изменения в переживании успехов, которые становятся результатом победы над собой;

возможности по-новому воспринимать жизнь именно потому, что приближается ее финал.

К сожалению, в старости более остро воспринимаются и неудачи. И в этой связи становятся особенно актуальными тщательность и продуманность действий, воспитание «мобилизационной готовности» к неожиданным сюрпризам жизни. Стремление соответствовать максимально возможному в данных условиях уровню жизнедеятельности, быть в согласии с самим собой, как можно дольше не снижать требований к себе, – пожалуй, это и есть основная составляющая оптимального смысла жизни в данный период.

Психологической перестройке в этом возрасте может способствовать и качественное изменение жизненной перспективы. Прежде она была крепко привязана к настоящей, сегодняшней действительности – к наличным социальным и иным обстоятельствам, к собственным возможностям, наконец, – к состоянию здоровья. Выйдя на финишную прямую жизни, человек уже не видит себя в далеком будущем, а только в ближайшем «завтра». Жизнь человека в будущем все больше замещается тем, что связано с ним, но уже не является им самим – дети, внуки, правнуки, ученики, последователи, дело которое, возможно, будет продолжаться. Это его опора. Сюда постепенно «перетекает» смысл жизни. Подготовка к старости, отношение к ней как к периоду, который важен не только сам по себе, но который «венчает» жизненное пространство личности – значимая составляющая смысла жизни человека.

Ш. Бюлер (и не только она) предполагала, что пенсионный и вообще стариковский возраст ассоциируется со сплошным досугом, отдыхом и развлечениями. «Золотой возраст!» Это создает определенное отношение к старикам. Однако при разумно организованном режиме, внимательном, вдумчивом и спокойном отношении к собственному здоровью, психологической сбалансированности старость может быть не менее привлекательна, чем другие периоды жизни. Писатель Юрий Нагибин в повести, написанной на склоне лет, назвал старость важной, тонкой, нежной, прекрасной порой жизни. И добавил: и грустной. Что же касается досуга, то зачастую его отождествляют с «ничегонеделанием».

Однако, отсутствие занятий у людей, вышедших на пенсию самым непосредственным образом связана с отрывом от общества. Часто ошибочно предполагают, будто благополучие и перспективы старых людей обусловлены досугом, в котором они крайне нуждаются. А под досугом подразумевают свободу от занятий или обязанностей. Незанятость, являющаяся у старых людей в результате уменьшения жизненной активности, и энергии, может рассматриваться как совокупный процесс, психосоциальное явление, которое объясняется как психологией каждого данного человека, так и воздействием на него общества, выключаящего его из социальной жизни. Общество может освободить человека от обязанностей,

но оно не может, тем не менее, освободить его от обязанностей по отношению к самому себе. В таком случае внешние социальные факторы поведения и его мотивы отходят у старого человека на второй план, а на первый план выходят собственные внутренние потребности.

И, тем не менее, у старого человека сохраняется потребность в трудовой деятельности, реализации своих социальных ролей. Стремление к труду у него имеет эмоциональный мотив. А не утраченная способность к труду важна для его самоутверждения.

Лишить стареющего человека возможности самовыражаться в какой-либо деятельности, равносильно тому, что укоротить его жизнь. Не случайно, так болезненно, даже в самом прямом смысле этого слова, переживается переход на пенсию.

Б.Г.Ананьев объяснял, что парадокс человеческой жизни заключается в том, что у многих людей «умирание» происходит гораздо раньше, чем физическое одряхление. Такое состояние наблюдается у тех людей, которые по собственной воле начинают изолироваться от общества, отказываясь от многих функций и ролей в обществе, что ведет к «сужению объема личностных свойств, к деформации структуры личности». По сравнению с долгожителями, сохранившими личность, которые «начинающие» пенсионеры в шестьдесят пять лет кажутся сразу одряхлевшими, страдающими от образовавшихся вакуумов и чувства социальной неполноценности. С этого возраста для них начинается драматический период умирания личности. В связи с чем Б.Г. Ананьев приходит к выводу, что «внезапное блокирование всех потенциалов трудоспособности и одаренности человека с прекращением многолетнего труда не может не вызвать глубоких перестроек в структуре человека как субъекта деятельности, а потому и личности» [1].

Профессиональная деятельность является одной из наиболее значимых ценностей человека, существенным компонентом структуры его смысложизненных ориентаций. Достаточно упомянуть о том, что окончание профессиональной деятельности и уход на пенсию во многих случаях переживаются как личная трагедия, связанная с потерей смысла жизни, что имеет далеко идущие последствия.

Уход от профессиональной деятельности, потери близких людей и т.п., приводят к исчезновению множества социальных ролей, которые выполнял индивид. Если структуру социальной роли рассматривать с точки зрения взаимосвязи когнитивного, эмоционально-аффективного и поведенческого компонентов, то, рассматривая психологические изменения в возрасте старения, можно отметить, что в структуре социальных ролей «отмирает» исполнительский, поведенческий компонент. Таким образом, происходит «усечение» социальной роли.

Потеря исполнительных, внешних поведенческих атрибутов роли, потеря действовать в референтной, субъективно значимой для личности системе социальных взаимодействий при сохранности внутриличностных

ролевых инстанций, является причиной возникновения у личности особого комплекса, синдрома аффективно-когнитивных переживаний, которые мы обозначили по известной аналогии как «социально-психологические фантомные боли».

Синдром «социально-психологических фантомных болей» (СПФБ) выражается в серьезных внутриличностных нарушениях и расстройствах межличностных отношений в семейной жизни и ближайшей социальной среде.

Актуализация синдрома «социально-психологические фантомные боли» (СПФБ) во многом зависит не только от типа личности, но и от характера профессиональной роли, которой лишился человек. Наблюдения свидетельствуют: бывшие педагоги продолжают поучать «кружающих», бывшие работники правоохранительных органов – «наводить порядок», медицинские работники – диагностируют и лечат и т.д.

Потеря значимой и привычной социальной роли воспринимается как утрата смысла жизни, ведет к своеобразной депрессивизации. Человеку, лишившемуся социальной роли при сохранившихся внутриличностных ролевых инстанциях, кажется, что ему уже «ничего предъявить для других».

Возникает вопрос о профилактике и коррекции синдрома «социально-психологических фантомных болей». Профилактика СПФБ лежит в сфере здоровьесберегающих технологий, формирования позитивного отношения, своим социальным ролям, формирования отношения к роли не как к цели, а как к средству самореализации способу служения обществу. Важным средством профилактики является развитие особого личностного качества – ролевой гибкости.

В качестве одного из путей коррекции мы предлагаем использование «социально-психологического протезирования» [5], под которым понимаем социально-психологическую компенсацию снижения физических, психических и социально-ролевых возможностей, которая значительно улучшает общее психологическое состояние в старости, дает возможность старому человеку чувствовать себя более молодым, компетентным, счастливым, обрести себя, смысл своей жизни.

Смысл терапевтической работы (социально-психологического протезирования) усматривается нами в возвращении личности утраченной идентичности. Терапевтическое воздействие заключается в изменении внешней ситуации, в которой находится старый человек: прикрепление социального работника, расширении круга общения и т.п. Это полностью согласуется с принципом компенсации дефекта А.Адлера, которая порождается (по Л.С. Выготскому) социальной средой.

Мы полагаем, что изменение окружающей обстановки, создание ситуации, когда человек, потерявший ту или иную социальную роль, сможет компенсировать ее в посильной его возрасту деятельности,

приведет к изменению психологического состояния индивида. Негативные эмоциональные состояния, связанные с проявлением синдрома «социально-психологических фантомных болей» могут быть частично компенсированы с помощью «социально-психологического протезирования». Анализ клинических случаев с использованием метода «социально-психологического протезирования» показал, положительные изменения в психологическом статусе испытуемых. Исследуемые стали чувствовать себя несколько моложе, чем прежде, у них появились некоторая жизненная перспектива – интерес к жизни, ожидание событий, новые ценности и т.д. Большинство испытуемых стали считать себя менее одинокими и более счастливыми. Следовательно «социально-психологическое протезирование» может служить действенным средством компенсации негативных проявлений «социально-психологических фантомных болей», связанных с потерей референтных социальных ролей в ситуации старения, и, в определенной степени, способствовать обретению новых смыслов жизни.

Литература:

1. Ананьев, Б.Г. Избранные психологические труды: В 2 т. / Под ред. А.А.Бодалева, Б.Ф.Ломова. – М.: Педагогика, 1980. – Т.1. – 232 с. – Т.2. – 287 с.
2. Альперович, В.Д. Старость. Социально-философский анализ / В.Д. Альперович. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 1998. – 104 с.
3. Лидерс, А.Г. Кризис пожилого возраста: гипотеза о его психологическом содержании / А.Г. Лидерс // Психология зрелости и старения. – 2000. – № 2. – С. 5–11.
4. Парсонс, Т. Система современных обществ / Под ред. М.С. Ковалевой. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 270 с.
5. Фролов, Ю.И. Применение психологического принципа компенсации дефектов к анализу старения / Ю.И.Фролов, Э.Н.Тищенко// Психология зрелости и старения. – 2000. – № 1 (9). – С. 40–65.
6. Чудновский, В.Э. Психологические составляющие оптимального смысла жизни / В.Э.Чудновский // Вопросы психологии. – 2003. – № 3. – С.3-15.
7. Чудновский, В.Э. Смысл жизни и судьба человека / В.Э.Чудновский// Общественные науки и современность. – 1998. – № 1. – С. 175-183.